

М.П. Одесский
Д.М. Фельдман

«Жизненный мир»
в дилогии об Остапе Бендере:
от «Двенадцати стульев» –
к «Золотому теленку»

В статье анализируются функция художественной детали в сатирической дилогии И. Ильфа и Е. Петрова. Этот прием позволяет соавторам точно и экспрессивно описать окружающий мир. Одновременно они используют ту или иную деталь, чтобы сообщить важную дополнительную информацию, которую легко дешифровали их современники, но которая теперь восстанавливается лишь при помощи специального комментария.

Ключевые слова: Илья Ильф, Евгений Петров, «Двенадцать стульев», «Золотой теленок», новая экономическая политика (нэп).

Исследователи давно отметили, что И. Ильф и Е. Петров демонстрируют необыкновенную внимательность к предметному миру и мастерство в его детальном изображении. Это – поэтологическое следствие установки на «интенсивную изобразительность», стремления «“назвать” предмет, точно запечатлеть его зрительный образ»¹, характерной тогда для В. Катаева, Ю. Олеси и других представителей «южно-русской школы» советской прозы.

Вместе с тем Ильф и Петров не только фотографически регистрируют окружающий мир или, как имажинисты, предаются самоценной игре с образами: опытные газетчики, они аккумулируют в своих описаниях повседневности ценную информацию о своем времени, которую позднему читателю приходится дешифровать, прибегая к комментарию. В данной статье мы приведем несколько примеров того, как авторы дилогии об Остапе Бендере конструировали «жизненный мир» (в нашей монографии 2015 г. мы использовали термин «миры», включающий, в

частности, предметный мир и неразрывно с ним связанный мир политических и тому подобных аллюзий²⁾, а также – *что* в обоих романах сохранялось и *что* трансформировалось.

* * *

В главе «Великий комбинатор» романа «Двенадцать стульев» (впервые – журнал «30 дней», 1928 г.) Бендер является будто бы ниоткуда. «В половине двенадцатого, с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки, в Старгород вошел молодой человек лет двадцати восьми»³. Почему он пришел пешком, а не добрался по железной дороге или иным видом транспорта, что ему вообще понадобилось именно в Старгороде – не сообщается. Кроме того, он появляется без носков и без пальто. А еще Бендер не имел «ни денег, ни квартиры, где они могли бы лежать». Правда, у него были «зеленый, узкий в талию костюм» и «лаковые штиблеты с замшевым верхом апельсинного цвета»⁴.

Странности эти, конечно, введены с умыслом⁵. Очевидное для соавторов, особенно для бывшего сыщика Петрова, объяснение связано со специфическим социальным статусом героя: в Старгород вошел бывший заключенный, неоднократно судимый и совсем недавно освободившийся, то есть преступник-рецидивист. В самом деле, бездомный бродяга, не имеющий холодной весной (лед на лужах) ни пальто, ни носков, не путешествует в модном костюме и щегольской обуви. Зато для рецидивиста тут нет ничего необычного. Квартиры у него нет и быть не должно: советским законодательством предусматривалось, что осужденные лишались права на занимаемую жилую площадь. Значит, бездомным он стал уже после тюремного срока, вернуться было некуда. Соответственно гардероб хранить негде, вся одежда – на себе: зимой теплые вещи покупаются, летом продаются. И если «молодого человека двадцати восьми лет» арестовали до наступления холодов, то пальто он не носил. Туфли и костюм Бендер сохранил, поскольку их отобрали после вынесения приговора и вернули при освобождении, носки же и белье, которые арестантам оставляли, износились.

Для осведомленного современника были очевидны и обстоятельства, побудившие великого комбинатора добираться до города пешком. Дело тут не только в послетюремном безденежье. Освободившемуся рецидивисту, учитывая странности его наряда, лучше вообще не попадаться на глаза милиции, а на вокзалах, на железнодорожных станциях непременно дежурят и милиционеры, и сотрудники ОГПУ, наблюдающие за приезжими. Потому, даже

если недавний арестант и купил билет, целесообразно выйти не на станции, а на ближайшем полустанке и оттуда добираться пешком. Понятно также, почему рецидивист выбирает Старгород, где раньше не бывал: во-первых, там нет знакомых сотрудников угрозыска, во-вторых, губернский центр достаточно велик, чтобы на улицах приезжий был не слишком заметен.

В главе I романа «Золотой теленок» (впервые – журнал «30 дней», 1931 г.) великий комбинатор – «в фуражке с белым верхом, какую, по большей части, носят администраторы летних садов и конферансье»⁶. Именно – «по большей части». Потому что многие бывшие моряки летом тоже носили фуражки с белым – летним – чехлом на тулье. Вот почему такие головные уборы в обиходе именовали «капитанками».

Деталь значимая. «Капитанка» обозначает флотскую тему. Великий комбинатор, как известно, обратится к председателю исполнительного комитета городского совета, предлагая оказать финансовую помощь случайно попавшему в трудное положение «сыну лейтенанта Шмидта».

Фамилия тогда на слуху. О П.П. Шмидте, расстрелянном в 1906 г. за руководство мятежом на крейсере «Очаков» и других судах Черноморского флота, публиковали статьи периодические издания, выпускались даже книги. Еще в досоветскую эпоху он считался мучеником. Ну а после установления советского режима, можно сказать, попал в пантеон «героев революционного движения». Действие романа «Золотой теленок» начинается летом 1930 г. Идет пропагандистская кампания в связи с двадцатипятилетней годовщиной начала «первой русской революции». Впрочем, тема и раньше считалась актуальной. Так что предгорисполкома «живо вспомнил знаменитый облик революционного лейтенанта с бледным усатым лицом и в черной пелерине с бронзовыми львиными застежками»⁷.

Сумма, что запросил Бендер, сравнительно велика. Пятьдесят рублей. Это больше, чем месячное жалованье среднего исполкомовского служащего. Но глава администрации, «стесненный узкими рамками местного бюджета, смог дать только восемь рублей и три талона на обед в кооперативной столовой “Бывший друг желудка”»⁸.

Отметим, что «кооперативная столовая» – еще нэповская реалья. Кооперативы подобного рода создавались при официальном содействии профсоюзов на предприятиях и в учреждениях: кооператоры имели право закупать продовольствие оптом – на льготной основе. Соответственно «талоны на обед» выдавались

лишь сотрудникам. Что до комического названия «кооперативной столовой», то Ильф и Петров обыгрывают популярные рекламные плакаты. Столичным Трехгорным пивоваренным заводом в ту пору выпускалось пиво «Друг желудка».

Вскоре у бендеровской «капитанки» появляется своеобразная рифма в одежде другого мошенника, заявившегося в кабинет председателя горисполкома. На Шуре Балаганове – «штаны с матросским клапаном»⁹. «Матросский клапан» – термин. Со времен парусного флота широкие матросские брюки застегивались не спереди, как обычные, а на бедрах. В силу какой причины – есть разные версии. Согласно одной из них, чтобы в случае падения за борт легче было сбросить: намокшая одежда тянет ко дну. Так ли задумывалось, нет ли, но – флотская традиция. Балаганов, как явствует из дальнейшего, матросом не был, но заботился, чтобы хоть одна деталь одежды напоминала о морской службе, провоцировала соответствующие ассоциации.

Бендер – как и в романе «Двенадцать стульев» – мошенник-рецидивист. Таков же примкнувший к нему Балаганов. А мошенничество подразумевает не только наличие специфических деталей одежды, но и теоретическую подготовку. Пытаясь сгладить впечатление от встречи двух «сыновей лейтенанта Шмидта» в кабинете предгорисполкома, мошенники обращаются к истории черноморского восстания: Балаганов «освоился с обстановкой и довольно толково, хотя и монотонно, рассказал содержание массовой брошюры “Мятеж на ‘Очакове’ ”».

Такого рода издания действительно были массовыми. Скорее всего Ильф и Петров неточно цитировали заглавие брошюры И.И. Генкина, выпущенной издательством «Молодая гвардия»¹⁰.

Очередной мошенник, тоже выдававший себя за сына «мученика революции», но заявившийся в кабинет главы администрации после ухода Балаганова и Бендера, не заботится о флотских деталях одежды. Карикатурен облик третьего «сына лейтенанта Шмидта». Причем каждая деталь – свидетельство былого достатка и бедности в настоящем. Знаки былого достатка – золотая зубная коронка и модная в предвоенные годы шляпа-канотье: соломенная, с низкой цилиндрической тульей и узкими полями. Ну а как свидетельство бедности читателем воспринималось описание изношенных до неприличия брюк и пиджака.

Балаганов и сообщает Бендеру фамилию третьего «сына лейтенанта Шмидта» – тому самому Паниковскому, который, согласно названию главы I, «нарушил конвенцию». Суть конвенции определит Балаганов уже в следующей главе. Ее название

характеризует «договаривающиеся стороны»: «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта».

Ильф и Петров отсылали читателей к газетному контексту. Различные международные конвенции часто обсуждались в советской периодике рубежа 1920–1930-х гг. Пародийный их вариант – раздел территории СССР сообществом профессиональных мошенников. Ильф и Петров иронизировали, отмечая, что на фоне всеобщей организованности «один лишь рынок особой категории жуликов, именующих себя детьми лейтенанта Шмидта, находится в хаотическом состоянии. Анархия раздирает корпорацию детей лейтенанта, и они не могли извлечь из своей профессии тех выгод, которые она, несомненно, могла принести»¹¹.

Выгоды и так были немалыми. Ильф и Петров констатировали: «Трудно найти более удобный плацдарм для всякого рода самозванцев, чем наше обширное государство, переполненное или сверх меры подозрительными или чрезвычайно доверчивыми администраторами, хозяйственниками и общественниками»¹². Подозрительность «сверх меры» – намек на многочисленные анкеты, заполнявшиеся советскими гражданами, когда приходилось на работу поступать. Дежурная шутка тех лет. Что до «чрезмерно доверчивых администраторов», то шутка относилась к доверчивости как таковой. Тут страх играл главную роль. Отказ в помощи, к примеру, внуку Маркса, брату Луначарского, сыну или дочери лейтенанта Шмидта можно было бы – при желании – трактовать как обусловленный политически. А потому, отмечали Ильф и Петров, отряды «мифических родственников усердно разрабатывают природные богатства страны: добросердечие, раболепство и низкопоклонничество»¹³.

Ключевые слова здесь – «раболепство и низкопоклонничество». Сомнительно же «добросердечие» администраторов: мошенникам они передавали не свои деньги.

Но «детям лейтенанта Шмидта» пришлось все же собраться, чтобы разделить страну на участки и распределить их по жребию. Повезло не всем: «Злая звезда Паниковского оказала свое влияние на исход дела. Ему досталась бесплодная и мстительная республика немцев Поволжья»¹⁴. Речь шла об Автономной Советской Социалистической Республике Немцев Поволжья. Она в ту пору отнюдь не «бесплодная». В аспекте плодородия – не хуже, а лучше большинства российских. И местный уровень развития сельского хозяйства считался очень высоким.

Другой вопрос – количество «доверчивых администраторов». Поиск таких среди дисциплинированных потомков немецких пе-

реселенцев был нелегкой задачей. По той же причине автономная республика названа «мстительной». Там администраторы действовали по закону, что уже знали опытные «дети лейтенанта Шмидта»: «не один из собравшихся сидел у недоверчивых немцев-колонистов в тюремном плену»¹⁵.

В общем, Ильф и Петров подробно объяснили, из-за чего «Паниковский нарушил конвенцию». Современникам не требовались дополнительные комментарии. Но позже ситуация изменилась. Прежде всего – политическая. Как известно, в 1941 г. АССР Немцев Поволжья была ликвидирована. Немецкое население депортировано, то есть вывезено, а затем распределено по северным, дальневосточным и среднеазиатским регионам страны. Печатное разглашение сведений об этой и других депортациях было запрещено.

Вот почему в послевоенных изданиях «Золотого теленка» уже не упоминалась ликвидированная республика и связанные с ней споры «детей лейтенанта Шмидта». Правка неуклюжая: «Злая звезда Паниковского оказала свое влияние на исход дела. Ему досталось Поволжье»¹⁶.

Встреча «сыновей лейтенанта Шмидта» происходит в конце периода «свертывания нэпа», и результаты заметны: столовая, где можно реализовать талоны кооператива, закрыта, а «частновладельческого сектора в городе не оказалось...»¹⁷. Это примета времени. Еще одна – плакат, не вызывающий у горожан удивления: «Пиво отпускается только членам профсоюза»¹⁸. Ильф и Петров тут несколько утрировали, такие объявления даже тогда не вывешивались. Но смысл шутки был ясен современникам.

Бендер и Балаганов найдут другое кооперативное заведение, тоже созданное при содействии профсоюза, обеспечивающего льготами сотрудников. О том напоминала и ранее обыгранная соавторами реклама пива «Друг желудка». «Сыновьям лейтенанта Шмидта» пиво не достанется, но пообедать за наличный расчет им все же удастся. За совместным обедом Бендер изложит Балаганову свой генеральный план. Можно сказать, кредо: «Я хочу отсюда уехать. У меня с советской властью возникли за последний год серьезные разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм. Что я каменщик, каменщик в фартуке белом?..»¹⁹.

Великий комбинатор точен. Нет уже выбора, потому как нэповская эпоха завершалась. А последняя фраза – ссылка на стихотворение В.Я. Брюсова (1901 г.): «– Каменщик, каменщик в фартуке белом, // Что ты там строишь? кому? // – Эй, не мешай нам, мы заняты делом, / Строим мы, строим тюрьму»²⁰.

Бендер иронически сопоставляет тюрьму и социализм – по критерию принуждения. Для 1930 г. шутка была допустимой: шутит ведь герой отнюдь не положительный, да и впереди у него – поражение. В журнальную публикацию шутка вошла. Но уже во втором книжном издании (и последующих) нет ссылки на брюсовское стихотворение. Осталась лишь одна мотивировка: попросту «скучно» великому комбинатору «строить социализм»²¹.

К началу застольной беседы «сыновей лейтенанта Шмидта» читатель уже получил некоторое представление о том, что делал великий комбинатор в период между осенью 1927 г., когда действие первого романа дилогии закончилось, и началом «Золотого теленка». Не роскошествовал. Перебивался мелкими аферами. Все тот же на Бендере костюм, приобретенный весной 1927 г. – после удачного шантажа в Старгороде. Экстравагантный, однако «поношенный, серый в яблоках пиджак»²².

Активизируют Ильф и Петров и другие связи с первым романом дилогии. В частности, великий комбинатор заявляет Балаганову: «Остап Бендер никогда никого не убивал. Его убивали, это было»²³. Соавторы даже намекнули, каким образом выжил Бендер. Акцентировано, что Балаганов, «подняв глаза на Остапа, сразу осекся. Перед ним сидел атлет с точеным, словно выбитым на монете, лицом. Смуглое горло перерезал хрупкий вишневый шрам»²⁴. Шрам напоминал читателям о воробьяниновской бритве. «Хрупкий», то есть узкий, нитевидный, чуть изогнутый, словно изломанный в местах, где рану стягивал швами хирург. Подразумевалось, что Бендер вовремя попал на операционный стол.

Великий комбинатор не изменился. По-прежнему волевой, энергичный: «Глаза сверкали грозным весельем»²⁵. Но эпоха изменилась. Бендер констатирует:

Отъем или увод денег варьируется в зависимости от обстоятельств. У меня лично есть четыреста сравнительно честных способов отъема. Но не в способах дело. Дело в том, что сейчас нет богатых людей. И в этом ужас моего положения. Иной набросился бы, конечно, на какое-нибудь беззащитное госучреждение, но это не в моих правилах. Вам известно мое уважение к уголовному кодексу. Нет расчета грабить коллектив. Дайте мне индивида побогаче. Но его нет, этого индивидуума²⁶.

В самом деле, на исходе 1920-х гг. легальное предпринимательство более опасно, нежели доходно. Предпринимателей душили растущими налогами, весьма часто арестовывали и, конфисковав

имущество, ссылали. Что и констатирует Бендер: «У нас все скрыто, все в подполье. Советского миллионера не может найти даже наркомфин с его сверхмощным налоговым аппаратом»²⁷. Понятно, что Народный комиссариат финансов не контролирует нелегальное предпринимательство. «Сверхмощный налоговый аппарат» бессилен перед теми, кто не платит налоги.

Итак, основная сюжетная схема – поиски богатства – в «Золотом теленке» та же, что в «Двенадцати стульях». Однако действовать мошенникам придется в принципиально иных условиях «свертывания нэпа», которые и воссоздают авторы дилогии при помощи своей полисемантической «интенсивной изобразительности».

Примечания

- ¹ Чудакова М.О. Мастерство Юрия Олеши // Чудакова М.О. Избр. работы. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 1: Литература советского прошлого. С. 28, 42.
- ² Подробнее см.: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Миры И.А. Ильфа и Е.П. Петрова: Очерки вербализованной повседневности. М.: РГГУ, 2016. С. 7–9.
- ³ *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев: Полная версия романа / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. М.П. Одесского, Д.М. Фельдмана. СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. С. 68.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Подробнее см.: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Указ. соч. С. 30–40.
- ⁶ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок: Полная версия романа / Подгот. текста, вступ. ст. М.П. Одесского, Д.М. Фельдмана. СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. С. 74.
- ⁷ Там же. С. 77.
- ⁸ Там же. С. 79.
- ⁹ Там же. С. 80.
- ¹⁰ См.: *Генкин И.И.* Лейтенант Шмидт и восстание на «Очакове»: К двадцатипятилетию: 1905–1925. М.; Л.: Молодая гвардия, 1925.
- ¹¹ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. С. 86.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 87.
- ¹⁴ Там же. С. 89.
- ¹⁵ Там же. С. 88.
- ¹⁶ См., например: *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. Золотой теленок. Ашхабад: Туркменское гос. изд-во, 1957. С. 343.
- ¹⁷ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. С. 85.
- ¹⁸ Там же.

- ¹⁹ Там же. С. 92.
- ²⁰ Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М.: Худож. лит, 1975. Т. 1. С. 329. См.: Лурье Я.С. В краю непуганых идиотов // Лурье Я.С. Россия Древняя и Россия Новая: (Избранное). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 248–289.
- ²¹ См., например: Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1996. С. 26.
- ²² Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. С. 79.
- ²³ Там же. С. 92.
- ²⁴ Там же. С. 91.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 92.
- ²⁷ Там же. С. 93.